

К. В. ХВОСТОВА

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ТЕРМИНА «ЭЛЕВТЕР» В ВИЗАНТИЙСКИХ ОПИСЯХ XIII—XIV вв.

Изучение средневековой социально-экономической истории вообще и византийской в частности неизбежно приводит исследователя к выводу о многообразии и неопределенности социально-экономических терминов. Почти все термины имеют, с одной стороны, синонимы, а с другой — употребляются в разных значениях. Близкий смысл имеют термины: птохи, пениты, апоры, актимоны. Наряду с этим, как показывает практик 1284 г. на владения Лавры на острове Лемнос, *πτοχός* иногда обозначал очень зажиточных париков (подробней см. ниже). Такое значение «птохос» наглядно показывает неопределенность этого выражения. По-видимому, многие социально-экономические обозначения не являлись техническими терминами, а представляли собой словоупотребления обыденного языка, которые использовались в официальных документах. Частое применение в этих документах обозначения в одном и том же или сходных значениях превращало данное обозначение в техническое выражение, но это не исключало других значений этого выражения, равно как не исключало возможность применения других выражений. Наиболее строгими были, очевидно, термины «парик» и «телос», но и они неоднородны. В описи держателей Патмосского монастыря париками названы, например, дулевты¹. Иногда, как только что упоминалось, вместо обозначения «парик» употреблялось выражение «птохос». «Телос», обозначая обычно основной налог с крестьянского владения, иногда означал платеж вообще².

Ниже мы остановимся на неопределенности одного из выражений, а именно «элевтер», означающего в переводе «свободный».

Многие исследователи, занимавшиеся византийскими аграрными отношениями, интересовались положением элевтеров. Исследователи пришли к единодушному мнению, что свободные — это бедные, не имевшие имущества лица, бродячий люд, ксены (чужаки), неизвестные казне, свободные не только лично, но и от уплаты податей. Отмечалось, что элевтеры в источниках часто выступают как синонимы птохов и ксенов, неизвестных казне³. В то же время известны случаи и несколько иного употребления термина «элевтер». Иногда этим термином обозначаются зависимые монастырские люди, имевшие некоторое имущество, но не платившие налоги⁴. Такие элевтеры, по-видимому, недавно поселились

¹ ММ, VI, р. 214.

² Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. М., 1968, с. 64—65.

³ Острогорски Г. Елевтери. Прилог историји селаштва у Византији. — Зборник филозофског факултета. Београд, 1948, кн. I. Сметанин В. А. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне. — АДСВ, 1966, вып. 4.

⁴ Actes de Lavra / Ed. par A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. P., 1977, vol. II (далее: Lavra, II), № 105, р. 172.5. Сметанин (Указ. соч., с. 102) справедливо указал, что в некоторых случаях элевтеры означают зависимых монастырских людей.

на территории монастырской вотчины и еще не были включены в податные документы. Но для нас особенно интересно другое употребление термина «элевтер». Встречаются сведения об элевтерах — зависимых монастырских людях, владеющих движимым имуществом, а иногда и небольшим земельным наделом, и платящих налоги, а также имевших связи, как и остальные крестьяне, называемые париками, с общиной, т. е. участвовавших в уплате податей, взимавшихся со всей общины в целом.

Несмотря на то что подобные сведения единичны и порождают множество вопросов, анализ их, на наш взгляд, представляет немалый интерес.

Не совсем ясно, идентичен ли термин «элевтер» в данном случае термину «парик», или обозначает держателей, отличных от париков, в частности не обязанных барщиной и другими паричскими повинностями, теми, исполнение которых и делает держателя париком. На основании некоторых рассматриваемых ниже свидетельств описей можно заключить, что элевтеры явно противопоставляются парикам, поэтому есть основание полагать, что это не парики⁵. Однако это и не свободные, точнее, не такие свободные, которые тождественны ксенам, неизвестным казне, которых разрешалось селить на землях крупных собственников. Эти элевтеры не только известны казне, они, как и все, кто платил в Византии подати, были, очевидно, прикреплены к тяглу и не могли покидать это тягло.

По-видимому, термин «элевтер», как и большинство средневековых терминов⁶, далек от однозначности. Можно говорить только о наиболее употребительных значениях и об обнаружении редких употреблений термина. Однако обнаруженные факты большего или меньшего распространения того или иного значения термина могут иметь лишь относительную значимость. Большая или меньшая употребительность термина в определенном значении, установленная на основе источников определенного вида (акты, описи), еще не свидетельство действительной распространенности того или иного значения термина. Частота употребления термина вообще и в определенном значении в частности тесно связана с типом источника. Именно так обстоит дело с элевтерами. Мы судим о них, главным образом, основываясь на свидетельствах жалованных грамот, подтверждающих права монастырей селить на своей территории элевтеров, ксенов, неизвестных казне. В этих клаузулах элевтеры выступают как социальная прослойка, аналогичная ксенам, неизвестным казне, а также птохам.

Реже встречаются свидетельства об элевтерах как о держателях монастырской земли, за которую они платят подати. Очевидно, элевтеры, поселившиеся на монастырских землях, первое время являлись ее арендаторами и платили арендную плату — пакт или мурту. Но в некоторых случаях они помещались на покинутые паричские стаси. Обычно им удавалось обзавестись только домом в деревне, заселенной зависимыми крестьянами. Иногда они имели некоторый скот, небольшие участки под виноградником, но независимо от наличия или отсутствия у них имущества они платили подати наравне с другими крестьянами (подробно об этом ниже).

Поселение элевтеров в паричской деревне могло иметь место при наличии в общине вымороченных земель и домов или покинутых паричских земель или домов. Несмотря на то что подобного рода свидетельства относительно редки, ими нельзя пренебрегать. Более того, именно они, воз-

⁵ Lavra, II, N 109, p. 274, 930—934; N 91, p. 104—105. 52—68; p. 112, 175—178; p. 114. 210.

⁶ Например, птохи; см.: Хвостова К. В. Еще раз о термине «*πτωχός*» в Византии. — ВО. М., 1982, с. 208—215. На XVI Международном конгрессе византинистов в Вене отмечалась многозначность термина «стратиот». См.: Ferjančič B. Sur la signification du terme stratiote dans les actes de basse époque byzantine. — In: XVIe Congrès international d'études byzantines: Résumés der Kurzbeiträge. Wien, 1981, 4.1.

можно, многое проясняют в положении элевтеров. Обратимся к некоторым наиболее ярким из этих свидетельств.

В практике апографевсов Пергамена и Фарисея от 1321 г., содержащем опись владений Лавры в районе Фессалоник, при описании деревни, название которой издателями не прочтено и которая находится в катепанате Иериссо, перечисляются 15 стасей, плативших все вместе икуменон в 7,67 перперов. Семь из этих стасей принадлежали элевтерам⁷. Перечисленные элевтеры имеют жен, взрослых детей, которые зафиксированы в описи, зятьев. Все перечисленные семьи не имеют никакого имущества и соответственно уплачивают низкие подати, варьирующие между 1/6 и 1/3 перпера. Про двоих элевтеров сказано, что они рыбаки⁸. Профессии других не указаны. То обстоятельство, что элевтеры зафиксированы вместе с семьями и взрослыми детьми, а один элевтер — именно тот, который был рыбаком, — имел большую семью, состоящую из жены, сына, шести дочерей, зятя, свидетельствует о том, что зафиксированные поселения имели определенную давность. Уплачиваемый элевтерами налог является налогом с дома — капниконем. Все элевтеры, исключая рыбака, имевшего большую семью, платили минимальную налоговую ставку с дома — собственно капникон, составлявший 1/6 перпера⁹. Упомянутый рыбак платил 1/3 перпера. Здесь могут быть два предположения: или этот рыбак имел два дома и с каждого платил по 1/6 перпера, или при обложении учитывались его доходы от рыбной ловли. Такие объекты обложения, как дом, а также доходы от неземледельческих занятий, как правило, облагались «на глаз», без наличия строгих норм, которые более или менее последовательно практиковались при обложении земли и виноградника¹⁰. Можно привести немало примеров, доказывающих особенный беспорядок при обложении домов. При этом характерно, что только в некоторых и относительно немногочисленных практиках фиксируются дома; это, однако, не означает, что в тех случаях, когда они не упоминаются, они не облагались. О том, что дома всегда облагались, свидетельствует обложение париков, не имевших имущества. Они всегда платят некоторый сбор, являвшийся, очевидно, налогом с дома — капниконем¹¹. Уплата этими париками налога зафиксирована во всех сохранившихся практиках.

Что же касается тех относительно немногих практиков, в которых дома зафиксированы как объект обложения, то эти данные свидетельствуют, с одной стороны, о том, что дома действительно облагались, а с другой — показывают неоднородный характер такого обложения. Рассмотрим, например, данные практика Иоанна Инайота и Федора Аарона, изданного предположительно в 1321 г. и содержащего опись владений Лавры в фемах Валерона, Мосинополя, Серр и Стримона¹². В описи перечисляются 38 (возможно 39) крестьянских семей и указываются дома, скот, налог. Рассмотрим париков, за которыми записаны только дома. Они следующим образом распределяются по налогу: 11 семей платили 0, 5 перпера¹³ и 7—0, 33 перпера¹⁴. Трудно сказать, чем объясняется разница в обложении. Возможно, учитывается качество дома, а может быть, различия происходят за счет учета при обложении некоторых неземледельческих доходов, которые отнюдь не постоянно фиксировались в практиках. Наличие нескольких домов, по-видимому, далеко не всегда влияло на характер обложения. Во всяком случае, именно такой вывод следует из сопоставления

⁷ Ἀπὸ τῶν εἰς τὸ αὐτὸ χωρίον ἐλευθέρων — Lavra, II, N 109, p. 274. 930.

⁸ Γεώργιος ὁ Μυχαράς . . . ὁ αὐτὸς ἀλιεύς, νομίματος τοῖτον . . . Ἰωάννης Θεσίτης ἀλιεύς ἡ σύγγαμβρος αὐτοῦ . . . νομίματος ἕκτον — Ibid., p. 275. 931.

⁹ О капниконе см.: *Хвостова К. В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980, с. 102.

¹⁰ *Хвостова К. В.* Количественный подход. . . , с. 129.

¹¹ Там же, с. 117—118.

¹² Lavra, II, N 112, p. 283—288.

¹³ Lavra, II, p. 286, 287. 10, 15—20.

¹⁴ Ibid., p. 286—287. 18, 20, 21.

некоторых хозяйств, зафиксированных в практике 1316 г., содержащем опись деревни Радоливо Ивирского монастыря¹⁵.

Отсутствие четкости при обложении дома или доходов от неземледельческих занятий¹⁶, достаточно низкий характер обложения приводили, очевидно, к следующему: элевтеры, даже являясь членами зависимой крестьянской общины, населенной париками, и будучи прикрепленными к тяглу, сущность которого состояла в уплате налога с дома, все же составляли наиболее подвижный слой населения. В этом — одно из отличий их положения от положения париков.

Каковы же иные различия? На первый взгляд их трудно обнаружить. Можно, по-видимому, утверждать, что парики в целом богаче элевтеров, однако и среди париков есть полностью лишенные имущества на парическом праве, и таких немало, а среди элевтеров далеко не все лишены имущества. Среди элевтеров, упоминаемых в описи парических владений, принадлежавших Лавре и расположенных в катепанате Иериссо, датированной издателями приблизительно 1300 г.¹⁷, имеются держатели скота и виноградников¹⁸. Все же то обстоятельство, что в целом элевтеры значительно беднее париков, роднит элевтеров — зависимых держателей, обязанных уплатой налога, с теми элевтерами, которые являлись свободными, неизвестными казне людьми.

Кроме того, иногда элевтеры, как следует из данных практика 1321 г., занимались рыбной ловлей, но это также нельзя рассматривать как их отличие от париков. Известно, что и парики занимались рыбной ловлей. В чем же различие? Очевидно, его следует искать в самом термине «элевтер». По-видимому, элевтеры, хотя и живут в зависимом поселении и платят налог, остаются лично свободными. Возможно, мы сталкиваемся со случаем, аналогичным ситуациям, чрезвычайно распространенным на Западе, когда свободные держали зависимую землю. Зависимость по земле и личная зависимость, как известно, на Западе различались. Согласно византийскому праву, такие различия отсутствовали. Однако повседневная жизнь Византии требовала более тонких градаций. Парики — юридически свободные, но неполноправные — имели ряд ограничений своей свободы. Обязанность барщиной — один из признаков этого ограничения. Противопоставление свободных парикам свидетельствует о том, что в этот период появляется тенденция к более четкому разграничению отдельных групп зависимого крестьянства¹⁹. Для ли-

¹⁵ Например, владелец дома и виноградника в 5 модиев платил 1 перпер, тогда как владелец двух домов, виноградника в 8 модиев платил 2 перпера. См.: *Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jh. für das Athoskloster Iberon. — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, N. F., H. 28, 1948, S. 95, RK. 45; 56—57.*

¹⁶ На это можно было бы возразить, что при обложении земли, виноградника и скота также отсутствовала четкость. Можно обнаружить немало вариаций в обложении. Однако при обложении названных видов имущества, по крайней мере, практиковались некоторые стандарты обложения, отклонения от которых носили в значительной мере случайный характер. Относительно обложения дома можно утверждать лишь то, что минимальная норма составляла 1/6 перпера. Далее следовала надбавка, варьирующая, очевидно, в зависимости от размеров имущества или доходов от неземледельческой деятельности. Нижняя грань, не зависящая от размеров имущества, отражала роль внеэкономических факторов при обложении. Доказательством роли внеэкономических факторов является уже тот факт, что дома как вид имущества в большинстве описей не фиксировались.

¹⁷ Опись представляет собой несколько фрагментов практика. См.: *Лавра, II, N 91.*

¹⁸ *Ibid.*, p. 104—105, N 91.52—68; p. 112, N 91.175—178; p. 114, N 91.210—211. Среди элевтеров встречается даже владелец 30 овец, т. е. довольно зажиточный хозяин, при этом он по неизвестным причинам платил всего 1/3 номисмы. См.: *Ibid.*, p. 105, N 91.66.

¹⁹ Это не противоречит тому, что одновременно происходил процесс консолидации зависимого сословия; это проявилось, в частности, в том, что термин «парик» иногда вытесняется более емким — «птохос», означающим приниженное состояние безразлично к объему владельческих прав и характеру личной зависимости. См.: *Хвостова К. В. Фте раз о термине. . .*

тературы этого периода, как неоднократно отмечалось, характерна фиксация полярности общества. Если речь идет о городских слоях, то упоминались *ἄριστοι* и *ἄποροι*.²⁰ Если же говорить о сельском населении, то здесь — несколько иная картина. Терминология, характеризующая положение крестьян, содержится главным образом в актах и описях.

Соответствующая терминология эволюционировала на протяжении столетий. В источниках X—XII вв. употребляются термины «демосии», «парики», вытесняя ранее более употребительные *γεωργοί*, *χωρίται*, которые противопоставлялись динатам. В позднее время в практиках XIII—XIV вв. преобладает термин «парики». Наряду с этим часто упоминаются проскафимены. Эта наиболее употребительная терминология лишь в общих чертах характеризует прослойки в составе крестьянства. Проскафимены, точнее, парики-проскафимены отличались от собственно париков, точнее, париков-гоникариев объемом владельческих прав. Не исключено, что некоторые проскафимены были идентичны элевтерам, т. е. сохраняли личную свободу, в частности были свободны от несения барщины. Однако многие проскафимены — это те же парики, обязанные барщиной²¹.

Источники XIII в. свидетельствуют, что в этот период для обозначения зависимого населения как такового иногда употребляется термин «птохос»²². Очевидно, этот термин обозначает различные слои зависимых держателей, в том числе париков и элевтеров. Упоминание в практиках элевтеров как слоя зависимых держателей, отличного от париков, — лишнее свидетельство трансформации отношений парикии. Эта трансформация заключалась в следующем. Многие из париков в этот период были лишены пахотной земли и виноградника, некоторые имели упряжку и, вероятно, арендовали пахотную землю на условиях уплаты морты или иных условиях, приближающихся к частнопровому арендному договору и не зафиксированных в источниках, отражающих в основном публично-правовые отношения.

О сдаче монастырских владений в аренду свидетельствует, например, практик Мамицоны 1323 г., где упоминается о том, что парики иногда арендовали землю, сказано также, что у тех, у кого отсутствовал надел на паричском праве, но имелась упряжка, она подлежала обложению²³. Естественно, далеко не все парики, не имевшие наделов, арендовали землю. Хозяйство некоторых состояло в основном, из виноградника, сада, огорода, являвшихся их стасью. Некоторые являлись совладельцами, или наряду с паричским хозяйством имели свободное от паричской зависимости владение. Однако в поселениях, где крестьяне занимались преимущественно виноградарством, они, очевидно, часто также арендовали виноградники. Большая часть крестьян в этот период переходит на занятие виноградарством. Это также свидетельствует о видоизменении структуры парикии. Классическое крестьянское хозяйство — это упряжка и нормальный надел.

Источники, относящиеся к монастырю Лавры, в частности упомянутый практик 1321 г., содержат многочисленные сведения о сложности держательской структуры крестьянского землепользования в позднее время. Неоднократно упоминаются владения (главным образом виноградники), про которые говорится, что над ними тяготеет податная ответственность в пользу другого лица (*ὑποτέλεις*). В данном случае перед нами вновь возни-

²⁰ Максимовић Л. «Богаташи» Алексија Макреволита. — ЗРВИ, 1981, XX, с. 100, 101.

²¹ Об этом, например, убедительно свидетельствует практик Димитрия Апельмена от 1302 г., содержащий опись ряда владений некоего женского монастыря в феме Фессалоника. В описи говорится о подтверждении за монастырем владельческих прав на хорафии и проскафименов. Далее говорится об обязанности проскафименов барщинными повинностями. См.: Lavra, II, p. 121, N 93. 24, 25.

²² См. примеч. 6.

²³ Actes de Chilandar/ Ed. L. Petit, V. Korablev. — ВВ, 1911, XVII, Приложение 1, № 92. 161—163.

кает ситуация, близкая к подобного рода отношениям на Западе, когда ренту платили двум собственникам. Отличие состоит в том, что в случае с Византией речь идет об отношениях, связанных с уплатой публично-правовой ренты, пожалованного частному собственнику государственного налога. Ж. Лефор полагает, что ипотели — это те земли, которые принадлежали парикам, включенным в податные списки в данной деревне, но расположенные в других деревнях. Соответственно налог за эти земли, по мнению Ж. Лефора, раздваивался: половина поступала тому владельцу, которому принадлежала община, а половина — тому, кто владел деревней, в которой расположен соответствующий участок ²⁴.

Возникает вопрос: на каких правах владели ипотели тем участком, за который они вносили подать, поступающую собственнику участка? Они не являлись париками этого собственника, соответствующий участок не являлся их стасью, очевидно, это арендованная земля. За нее платили половину телоса. Мы встречаемся с интересной формой аренды. В XI в. пакт — это двойной телос ²⁵, в позднее время пакт лишь половина телоса ²⁶. Но в данном случае телос состоял из двух частей — из собственно налога и платы за арендованную землю. При этом соображение о том, что подать, взимаемая собственником земли, составляла половину стандартной нормы обложения телосом, является гипотезой. Мы не знаем, сколько взимал собственник земли; мы знаем лишь, сколько уплачивал парик тому, кому принадлежала паричская стась. Не исключено, что в качестве арендной платы выплачивалась и большая сумма. Что же касается надбавки к ней, составлявшей обычно 1/8 номисмы, то она меньше 1/6 — минимальной суммы, которая при обложении взималась в наличных деньгах. Следовательно, на практике 1/8 округлялась до 1/6 номисмы и составляла ту самую минимальную надбавку к телосу, взимавшемуся с имущества парика, которая неоднократно осуществлялась в поздней Византии. Далеко не все практики четко фиксируют категории держателей и характер владения, как это имеет место в практиках Лавры. Однако это не означает, что среди крестьян, упоминаемых в других практиках, не было ипотелей, точно так же, как все эти крестьяне имели дом, а иногда и несколько домов, тогда как во многих практиках дома не фиксируются. Формуляр далеко не всегда адекватен реальным отношениям. Исходя из общей картины аграрных отношений в позднее время, мы считаем, что практика начисления надбавки, учитывавшей доходы от имущества и занятий, не регламентировавшихся паричским правом, была очень распространена в Византии.

Во многих практиках нередки также упоминания об ипостатиках, т. е. свободных крестьянах, имеющих пахотную землю или виноградник в общине, зависимой от крупного собственника ²⁷. Упоминаются также парики, за которыми не только не числится никакого имущества, но и не указывается никаких податей ²⁸. Эти парики называются *ἀνυπόστατοι* и противопоставляются *ἐυπόστατοι*. Очевидно, анипостаты — это лишенные стаси, те, у кого в зависимой деревне нет даже дома, и поэтому они не платят податей. Однако они являются лично-зависимыми, париками, где-то ютятся и, возможно, работают на барщине, пользуясь господскими упряжками. Источники их доходов неясны. В практике 1284 г., где они, в частности, упоминаются, они скрываются под общим названием *πτοχι*, т. е. бедняки ²⁹. Но тот же практик подразумевает под «птохами» зажиточных крестьян, т. е. термин означает подданных вообще ³⁰. Однако по отноше-

²⁴ Lefort J. Fiscalité médiévale et informatique: Recherches sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins du XIV siècle. — RH, 1974, t. 512, p. 340, 341.

²⁵ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство X—XI вв. М., 1977, с. 37.

²⁶ Dölger F. Op. cit., S. 48, A. 316.

²⁷ Dölger F. Op. cit., S. 127; Литаврин Г. Г. Указ. соч., с. 59.

²⁸ Lavra, II, p. 20, N 73.67.

²⁹ Ibid., p. 144, N 99.40.

³⁰ Хвостова К. В. Еще раз о термине. . .

нию к анипостатам птохос выступает в своем первоначальном значении, означая нищих, бедных. Данный практик, таким образом, интересный пример многообразия и неопределенности средневековой терминологии. Что же касается энипостатов, то это «обычные» парики, которые имели жилище, стасть в зависимой деревне и платили телос. Нередки также сведения о париках, переселившихся в другие места, в частности в Фессалоники, однако подлежащих обложению в данной общине³¹.

Все сказанное означает, что практики Лавры содержат богатые сведения о сложной структуре форм зависимого землепользования и налогообложения.

Нетипичное употребление термина *πτωχός*, обозначающего отнюдь не только нищих и даже не бедных, а, напротив, весьма зажиточных крестьян, владеющих значительными земельными держаниями от 60 до 200 модиев³², употребление термина «элевтер» в его редком значении «жителей зависимой деревни, платящих подати», — это только два наиболее типичных факта, отражающих сложность обстановки. К этому можно добавить еще следующее. В этот период употребляется термин *ἄδρωπος*, также служащий для обозначения разнородных крестьянских масс, населяющих вотчину.

Итак, все сказанное означает, что в изучаемый период термин «парик» уже не является столь универсальным, как в прошлом, — наряду с ним для обозначения зависимого сословия употребляются другие термины. Термин «парик» обозначает иногда лишь одну из категорий зависимых, отличную по ряду признаков от других зависимых подданных. Нетипичное употребление термина «элевтер», о котором говорится выше, свидетельствует, очевидно, о том, что в этот период, характеризующийся постоянно возрастающей нестабильностью социально-экономических отношений как в городе, так и в деревне, увеличилась миграция населения. Безземелье значительного слоя крестьян в деревне могло приводить и, очевидно, приводило к их переселению. Последнее, однако, не освобождало крестьян от податной ответственности. Данные практиков Лавры позволяют несколько уточнить представления о принципах податной ответственности. Основой обложения было наличие дома в общине. Могло не быть земли, мог отсутствовать скот и виноградник, мог отсутствовать сам владелец, переселившийся в другое место, но наличие дома являлось основой уплаты капникаона и прикрепления к тяглу.

Крестьянин мог (очевидно, временно) переселиться в другое место, но дом его оставался в деревне, дом никуда не мог исчезнуть, если он не был разрушен в силу каких-либо причин. Наличие дома — основа обложения. Не имеющие имущества, но имеющие дом иногда платили такую же по величине подать, как и имеющие некоторое имущество. В этом случае облагались, по-видимому, те доходы от ремесла, аренды земли, работы по найму и т. д., которыми данные крестьяне располагали. Но наряду с теми, кто имел дом в деревне и временно покинул его, переселяясь в город и продолжая платить подати, были и горожане, которые разорялись и переселялись в деревню. В этот период, как отмечается в ряде исследований, происходит упадок городов, разорение среднего слоя горожан. Именно эти разорившиеся горожане, возможно, становились элевтерами, поселявшимися на территории владений крупных собственников.

Другим источником элевтеров — зависимых держателей — были свободные крестьяне, демосиарии, по терминологии XII в. Слой этих мелких собственников, очевидно, продолжал оставаться значительным и в XIV в. Но нестабильность экономического положения, характерная для империи этого периода, способствовала их разорению. Эти крестьяне нередко продавали свои земли крупным монастырям. Акты Лавры свидетельствуют, что продажа совершалась владельцами крестьянского типа. Продаются

³¹ Lavra, II, p. 237, N 109.270.

³² Ibid., N 73.

небольшие участки: размером в 5 модиев — за 10 номисм³³, 4 модия — за 4 номисмы³⁴, 20 модиев — за 20 номисм³⁵ и т. д. Особенно характерны договоры продажи, согласно которым плата за землю взимается не в деньгах, а продавец получает корову, которая вскоре должна отелиться, или корову с телятком³⁶. Эти факты свидетельствуют, что речь идет о владельцах крестьянского типа.

Не исключено, что иногда свободные могли проводить различные операции с домом: заложить, продать, но сохранить на срок жизни. В таких случаях они оказывались в податной зависимости от монастыря, но сохраняли личную свободу, в частности, не были обязаны барщиной. Иными словами, не только приселение свободных, неизвестных казне, является источником возникновения на территории монастырей поселений зависимых в податном отношении лиц, но отличающихся от париков, т. е. вероятно свободных от парических повинностей. Это последнее, т. е. свобода элевтеров на монастырских землях от специфических парических повинностей, является, как уже говорилось, лишь предположением. Однако аргументом в пользу такого предположения является выражение *ἐλευθέρα καὶ ἀκαταδούλωτα*³⁷, употребляемое в жалованных грамотах и описях по отношению к монастырскому домену и означающее, что данная земля противопоставляется землям несвободного статуса.

Если по отношению к людям подчиненное положение проявлялось в барщине, то уплата телоса — это признак несвободной недвижимости, дома или земли. Византийское право, как известно, в отличие от западноевропейского не проводило различий между свободной и несвободной землями, но это различие складывалось на практике, в процессе налогообложения. Что же касается освобождения от податей, которое часто предоставлялось монастырям в форме пожалования податного иммунитета, то в этом случае употреблялись другие выражения³⁸.

Думается, что в тех многочисленных случаях, когда в актах говорится о разрешении монастырям селить элевтеров и ксенов, неизвестных казне, термин «элевтер» подчеркивает главным образом личную свободу. Только свободных людей можно было поселять на своих землях. Беглых или разорившихся чужих париков принимать запрещалось. Это, однако, не означает, что под названием «элевтеры» в действительности не скрывались беглые и разорившиеся парики, но это оставалось неизвестным. Формально можно было селить только свободных.

Выше говорилось, что то или иное значение термина тесно связано с характером источника и даже с определенным местом источника. Одно дело — освободительная формула жалованной грамоты, другое — подтверждающая, или же основной текст описи, в которой содержится перечень держателей и их повинностей.

Существует мнение, согласно которому для получения какого-либо вывода по средневековой социально-экономической истории необходимо проанализировать весь имеющийся материал источников. Неправоммерно строить выводы на основе единичных сведений. Учет всех сохранившихся данных нередко называется статистическим подходом к изучаемым явлениям. Подобное мнение является абсолютно неверным. Каждый источник, характеризующий средневековые явления, настолько своеобразен, что его сведения не могут рассматриваться как однородные с соответствующими сведениями, содержащимися в источнике того же типа, относящемся к аналогичным явлениям, но происходившим в другой вотчине или общине. Причина такой неидентичности заключается в том, что, с одной стороны, каждый составитель (например, византийский апографевс,

³³ Lavra, II, p. 60, N 83. 6, 7.

³⁴ Ibid., p. 64, N 84.10, 11.

³⁵ Ibid., p. 63, N 85.7, 8; ср. также: p. 64, N 68.7—9.

³⁶ Ibid., p. 66, N 87.11; p. 68, N 88.10.

³⁷ Lavra, II, p. 24, N 73.96.

³⁸ Например: Lavra, II, p. 73, N 89.69—79.

составлявший опись владений крупного монастыря) руководствовался не только и не столько общими принципами, но индивидуальным подходом и собственным знанием терминологии, а также (что не менее важно) исходил из специфики местных отношений в данной общине или вотчине. Совокупность однотипных источников, относящихся к разным вотчинам или общинам, не обнаруживает так называемой статистической устойчивости, необходимой для статистического анализа явлений.

Под статистической устойчивостью понимается следующее. Если всю совокупность однородных данных разделить на несколько групп и в отношении каждой из групп вычислить статистические характеристики, то окажется, что эти характеристики очень близки друг к другу. Статистические характеристики, вычисленные на материале различных византийских описей, например коэффициенты корреляции между размерами налога и величиной имущества, значительно разнятся³⁹. Это означает отсутствие статистической устойчивости и неправомерность статистического подхода. При статистическом подходе каждое отдельное сведение в системе однородных сведений имеет как бы подчиненную значимость. Само по себе оно может быть интерпретировано как свидетельство случайного отклонения от некоторой тенденции или как подтверждение тенденции.

Если же рассматривать византийские описи, сведения которых весьма далеки от статистической устойчивости, то такие свидетельства, как перечень элевтеров и характеристика их статей в двух практиках Лавры, отличающие эти практики от других аналогичных практиков, не могут рассматриваться как сведения о случайном отклонении от нормы. Эти сведения имеют самостоятельную ценность, и не исключено, что отсутствие подобных данных во многих других известных нам практиках объясняется тем, что апографевсы, руководствуясь всякий раз индивидуальными критериями составления описей владений и зависимого населения, не считали нужным указывать точно их социальный статус. Термин «парик» ведь нередко употреблялся в широком смысле, обозначая зависимое население крупной вотчины независимо от нюансов в их социальном, экономическом и правовом статусе. Мы знаем лишь отдельные случаи, когда вместо термина «парик» в значении «зависимого населения вотчины» применяется термин *πτωχός*, и отдельные сведения о градациях внутри зависимого населения, когда специально указываются анипостаты и энипостаты, элевтеры, ипотели другим собственникам, ипостатики и проскафимены (два последних выражения встречаются относительно чаще). Однако упоминание всех этих категорий представляет особую ценность, отражая структуру вотчины.

Итак, население монастырской вотчины было пестрым. Под термином «парики» иногда скрываются разнообразные подданные: парики в полном смысле этого термина, среди которых — ипостатики, анипостаты и энипостаты, элевтеры, ипотели, арендаторы ксенопарики и т. д. Иногда термин «парик» обозначает парика в узком смысле, т. е. держателя на паричском праве, обязанного барщинными повинностями, а для обозначения сословия зависимого вотчинного населения употребляется термин «птохос».

Сложные процессы, происходившие в вотчине, выразились в сложности и неопределенности терминологии.

---

³⁹ Хвостова К. В. Особенности. . ., с. 120.